

в котором находится Хрущевский список Степенной книги, и очень кратко остановился на вопросе об источниках фальсификации. К заслугам этого автора следует отнести обнаружение в тексте Хрущевского списка Степенной книги, помимо „речи“ Ивана IV, другой фальсификации — подделанного известия о посылке некоего Ивана Андреевича Чевкина-Дурного в составе свиты великой княгини Елены Ивановны в Литву (конец XV века). П. Г. Васенко попытался найти и автора вставок. Он указал на семейство Колтовских как на среду, из которой, вероятнее всего, мог выйти автор фальсификации.

В целом небольшие этюды С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко ярко иллюстрируют порочность формального буржуазного источниковедения. Если С. Ф. Платонов ограничился только указанием на существование подделки речи Ивана IV (да и то в предположительной форме), то П. Г. Васенко искусственно объяснил фальсификацию генеалогическими мотивами. Методологическая слабость С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко сделала их выводы недостаточно убедительными. Тем самым и факт подделки для многих исследователей оставался не доказанным до наших дней.¹

Некоторые советские историки, не отвергая выводов С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко о подложности „речи“, не считают возможным, однако, согласиться с их определением времени возникновения фальсификации. Как известно, С. Ф. Платонов полагал, что подделка совершена „не раньше, как во второй половине или даже в последних десятилетиях XVII века“ и не позднее 1740—1742 годов.² П. Г. Васенко относил вставки „к исходу XVII столетия“.³

В одной из своих ранних работ С. В. Бахрушин пытался связать фальсификацию со временем городских восстаний 1648 года.⁴ Однако этот автор не проделал палеографического анализа рукописи и руководствовался только общими гипотетическими построениями.

Наконец, недавно С. О. Шмидт выдвинул новое предположение о времени составления „речи“ Ивана IV. „Окончательная редакция“ этого документа датируется С. О. Шмидтом 30-ми годами XVIII века и связывается с политической борьбой в среде господствующего класса в период „бироновщины“.⁵ Однако С. О. Шмидт не проделал специального источниковедческого и палеографического анализа, который совершенно необходим для правильной датировки подделки.

В целом мы можем констатировать, что даже те исследователи, которые признавали подложность этого оригинального памятника, все же не рассматривали его как публицистическое произведение древнерусской литературы.

¹ „Речь“ Ивана IV некритически использована в ряде работ советских исследователей; Н. И. Шатагин. Русское государство в первой половине XVI в. Свердловск, 1940, стр. 105; П. В. Сытин. 1) О старой и новой Москве. Детгиз, М.—Л., 1947, стр. 29; 2) Из истории Московских улиц. Изд. 2-е, М., 1952, стр. 40; С. Юшков. 1) К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века. Вопросы истории, 1950, № 1, стр. 85; 2) К вопросу о сословно-представительной монархии в России. Советское государство и право, 1950, № 10, стр. 46.

² С. Ф. Платонов. Речи Грозного... стр. 204.

³ П. Г. Васенко. Хрущевский список Степенной книги... стр. 400.

⁴ С. В. Бахрушин. Московское восстание 1648 г. Научные труды, т. II, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 80.

⁵ С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. VII, № 5, 1950, стр. 446, примеч. 10.